

В заключение следует подчеркнуть, что интересная и пужная работа В. Махка ценна не только как самостоятельное исследование, но также и тем, что работа эта дает толчок к дальнейшему, еще более глубокому анализу собранного материала (такой характер своего труда подчеркивает и автор; стр. 6—7). Будущее же исследование в этой области станет плодотворным, если для других славянских языков будет проделана кропотливая работа, которую осуществил В. Махек для чешского и словацкого языков. В частности, именно такой работы ждет не только не исследованная, но и не зарегистрированная полностью масса восточнославянских названий растений.

В. М. Илич-Свитыч

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Наша литература по вопросам истории английского языка пополнилась двумя трудами, вышедшими в 1955 г., — посмертной книгой проф. А. И. Смирницкого «Древнеанглийский язык»¹ и книгой доц. В. Д. Аракина «Очерки по истории английского языка»². Выход в свет этих двух трудов следует приветствовать как показатель растущего интереса к вопросам истории английского языка и как признак начала научной дискуссии в печати по некоторым из этих вопросов.

Обе книги предназначены примерно для одной и той же аудитории: они ориентированы на читателя, который уже изучил элементарный курс истории языка на студенческой скамье и стремится расширить и углубить свои знания по этому предмету.

Этим, однако, сходство между обоими трудами и ограничивается. Кардинальное различие приходится констатировать в самом подходе того и другого автора к явлениям истории английского языка. Интерес А. И. Смирницкого в первую очередь направлен на **с и н х р о н н о е** описание строя древнеанглийского языка, тогда как В. Д. Аракин стремится дать **д и а х р о н и ч е с к о е** изложение явлений с целью объяснить современное состояние английского языка. В. Д. Аракин, как и следовало ожидать по заглавию книги, посвящает отдельные очерки, вошедшие в ее состав, отдельным аспектам языка — развитию фонетической системы и орфографии, развитию грамматического строя и развитию словарного состава. Поэтому с материалами книги А. И. Смирницкого соприкасаются только те разделы «Очерков», в которых идет речь о явлениях древнеанглийского периода как о начальном этапе развития.

Введение к книге «Древнеанглийский язык» А. И. Смирницкий посвящает вопросу о различении синхронии и диахронии в изучении явлений языка и вопросу о сравнительно-историческом методе. Он совершенно справедливо указывает (стр. 5), что наши языковеды, стремясь избежать «отрыва» синхронического изучения языка от диахронического — отрыва, в котором был повинен Ф. де Соссюр, зачастую должным образом не различают диахронию и синхронию. «А ведь „отрыв“ и строгое „различение“, — замечает А. И. Смирницкий, — совсем не одно и то же» (стр. 5). Это замечание, справедливое по существу и точно сформулированное, лежит в основе той трактовки явлений древнеанглийского языка, которую дает А. И. Смирницкий в своей книге. На стр. 8 он формулирует следующий безусловно правильный и очень полезный принцип: «Подлинный историзм требует строгого различения того, что с т а л о, и того, что б ы л о, качества н о в о г о и п р е ж н е г о, уже утраченного, на месте которого это новое развилось». Во второй части введения (стр. 8—10) изложены воззрения автора на сущность сравнительно-исторического метода. Он предлагает различать сравнительно-историческое изучение языков и сравнительно-исторический метод как один из специальных приемов, необходимых для такого изучения. При этом цель сравнительно-исторического метода в этом узком смысле заключается в восстановлении не засвидетельствованных в письменности языковых фактов. Такое определение можно, конечно, оспаривать, но оно вполне возможно, и автор в дальнейшем строго его придерживается.

Из 19 глав книги первые четыре посвящены характеристике английского языка в целом, древнеанглийского языка, периодов истории английского языка и древнеанглийских письменных памятников. Глава V дает характеристику древнеанглийского стихосложения. Система стихосложения не составляет, как известно, части системы языка в точном смысле слова и обычно не рассматривается в работах по истории языка. Включение этой главы в книгу А. И. Смирницкого следует расценить как весьма положительное явление. Отдельные главы посвящены вопросам письменности: в VI главе

¹ А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, М., 1955.

² В. Д. Аракин, Очерки по истории английского языка, М., 1955.

рассматриваются графика и звуковые значения букв, в VII — история письменности германских племен. Обстоятельное рассмотрение вопросов истории письменности также составляет преимущество книги. Правда, эти первые главы не вполне однородны по объему рассматриваемых явлений: не все они касаются исключительно английского языка, две из них (V и VII) посвящены всем древнегерманским языкам в целом. Однако это несоответствие в значительной степени вызвано спецификой самого материала и не воспринимается как нарушение цельности замысла книги.

Дальнейшие главы объединены в три большие раздела: фонетический строй (главы VIII—XIV), словарный состав (главы XV—XVI) и грамматический строй (главы XVII—XIX). Эти разделы построены так, что за главой, в которой дается синхроническая характеристика той или иной группы явлений, следует глава, посвященная вопросу о происхождении этих явлений, т. е. диахроническая (например, глава X — «Консонантизм», глава XI — «Происхождение древнеанглийских согласных»). Исключение составляет только последняя глава XIX — «Синтаксис», при которой, по понятным причинам, нет соответствующей сопровождающей главы диахронического характера.

Такое построение имеет свои преимущества, так как полностью соответствует тому разграничению синхронии и диахронии, которое было обосновано во введении. Однако оно влечет за собой и значительные трудности. В самом деле, говоря, например, о развитии звукового строя, автор не излагает его в обычной исторической последовательности, а, исходя из явлений древнеанглийского языка, вскрывает их происхождение. Например, на стр. 108: «Из всех древнеанглийских гласных в ударных слогах могут быть старыми, сохранившимися без изменений с древнейших времен, только простые гласные *i*, *ī*, *e*, *ē*, *ō*, *ū*... Однако все эти гласные могут иметь и иное происхождение: *i* часто восходит к старому *e* (§§ 82, 86 и 115); *ī* — к старому дифтонгу **ei* (§ 83) или к *i* краткому из старого *e* (§ 109), реже — к старому краткому *i* (§ 63); *e* — к старому **a* (§ 101), гораздо реже — к старому **u* (§ 116)...» и т. д. В таком изложении фонетические явления оказываются трудно обозримыми.

Следует подчеркнуть, что эти трудности относятся именно к описанию фонетических явлений. Что касается вопросов словарного состава и грамматического строя, здесь дело обстоит гораздо более благополучно. Так, например, когда на стр. 181 и сл. дается довольно обширный перечень слов, заимствованных древнеанглийским языком из латинского (причем они сгруппированы по хронологическому принципу и по сферам значений), то это не сопряжено ни с какими трудностями для читателя, который перед тем изучил словарный состав древнеанглийского языка в синхроническом плане. Точно так же изложение на стр. 273 и сл. теории именных основ в индоевропейских и германских языках не создает никаких затруднений для читателя, уже знакомого с материалом предыдущей главы, в которой шла речь о системе склонения древнеанглийских существительных в синхроническом плане. Таким образом, только специфические особенности фонетических явлений вызывают сомнение в целесообразности применения такого метода изложения к звуковому строю языка.

Как существенное достоинство книги следует отметить разработку ряда вопросов, которые в существующей научной литературе затрагивались лишь вскользь. Так, например, на стр. 78—89 дано подробное изложение процесса ротацизма и связанных с ним явлений в германских языках. На стр. 106 и сл. рассматривается труднейший и пока не исследованный вопрос о фонематическом составе древнеанглийских безударных гласных. Очень тщательно разработан в книге и ряд других вопросов.

Однако в то же время в книге есть некоторые моменты весьма дискуссионные, по которым трудно согласиться с автором. Прежде всего сюда относится раздел, посвященный так называемой «конверсии» в древнеанглийском языке (стр. 166—170). А. И. Смирницкий излагает здесь то же понимание этого явления, которое уже известно из его ранее опубликованных статей. На стр. 166 конверсия характеризуется как «такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит *т о л ь к о* о сама парадигма слова: ср. др.-англ. *lufu* „любовь“ — *lufian* „любить“, *broc* „обломок, несчастье“ — *brocian* „раздавлять, причинять вред (боль)“» и т. п. Несомненно, что мы имеем здесь дело с особым типом словообразования, который заслуживает особого рассмотрения. Однако применение к этим явлениям термина «конверсия» совершенно неприемлемо. Термин «конверсия» отличается отчетливой внутренней формой, которая означает «превращение». Пренебречь этой внутренней формой нельзя: она неуклонно стоит перед сознанием. Поэтому если применение этого термина можно было хоть до некоторой степени оправдать, пока он применялся к фактам современного английского языка, где мы встречаемся с одинаковыми звуковым составом исходных форм слов, относящихся к различным частям речи (ср. *love* „любовь“ и *love* „любить“, *hand* „рука“ и *hand* „вручать“ и т. п.), то в применении к древнеанглийскому языку, где не обнаруживается такого звукового тождества, этот термин теряет всякий смысл. А. И. Смирницкий сам отмечает это в подстрочном примечании на стр. 166: «Термин „конверсия“ не представляется вполне удачным. Однако поскольку этот термин довольно прочно закрепился в лингвистической литературе, он используется также и в этой книге». Но говорить о том, что этот термин «закрепился в ли-

тературе» в применении к древнеанглийскому языку или к другим языкам, в которых не существует звукового совпадения исходных форм разных частей речи, не приходится. Здесь дело не в произвольности термина, а в том, что этот термин своей прозрачной внутренней формой наталкивает на совершенно превратное понимание сущности словообразовательного явления, которое им обозначают.

Дискуссионной представляется трактовка автором и вопроса о категории залога в древнеанглийском языке (В. Д. Аракин вообще не рассматривает этого вопроса). На стр. 245 по этому поводу сказано: «Категория з а л о г а не проходила через всю систему глагола. Она выделялась в противопоставлении только форм причастия переходных глаголов: причастие I этих глаголов выражало действительный залог (*singende* «поющий»), а причастие II — страдательный залог (*[æ]-sunzen* «спетый»). Сочетания глагола *wesan/beon* и *weorðan* с причастием II в древнеанглийском еще нельзя считать составной (аналитической) формой». На стр. 294 к этому добавляются следующие соображения: «Древнеанглийские словосочетания типа *wæs of-slæ æn, wæs feoh-tende, wile sinzan, ha fde...æ-bundenne* начинают уже выделяться своей относительно большой частотностью, и тем самым есть возможность говорить о тенденции их обособления. Однако каких-либо признаков структурно-семантической, синтаксической или иной изоляции эти словосочетания не обнаруживают. Особо следует указать на отсутствие наиболее характерного признака изоляции, при которой словоформа, применяемая в сочетании с данным служебным словом, оказывается в других случаях неизвестной или неупотребительной».

Во всем этом рассуждении, однако, упускается из вида другая сторона дела, не менее, если не более существенная. В готском языке категория залога, как известно, существовала и выражалась противопоставлением форм *nimiþ* «берет» — *nimada* «берется», *haitiþ* «зывает» — *haitada* «зывается» и т. п. Известно также, что в древнеанглийском языке от глагола *hitan* «звать», «называть» существовала форма *hätte* «зывает», «звался» — единственный сохранившийся случай синтетической формы среднего или страдательного залога, свидетельствующий о том, что в более ранний период категория залога в английском языке, как и в готском, существовала. Если стать на точку зрения, которой придерживается А. И. Смирницкий, придется заключить, что категория залога существовала в дописьменный период древнеанглийского языка, затем (к началу письменной традиции) исчезла, а впоследствии (в начале среднеанглийского периода) возникла снова. Такой ход развития хотя и не может считаться совершенно исключительным, представляется все же очень маловероятным. Во всяком случае, он требует специального доказательства. Гораздо более естественным является предположение, что категория залога существовала в английском языке на протяжении всей его истории, а средства ее выражения (как и средства выражения ряда других категорий) претерпели изменение: синтетические сменились аналитическими. В этой связи представляется неслучайным то обстоятельство, что А. И. Смирницкий в своей книге ни разу не упоминает о существовании формы *hätte*.

Значительную трудность для читателя создает широкое применение в книге форм со звездочкой (*). Звездочка ставится как перед формами не засвидетельствованными, но реконструируемыми с абсолютной точностью, так и перед формами весьма проблематичными, причем никаких оговорок по этому поводу не делается. Между тем проблематичные формы не следовало бы давать в книге на равных основаниях с достоверными реконструкциями, и вообще их число следовало бы значительно сократить.

Серьезные возражения вызывает помещенная на стр. 105 «Таблица происхождения гласных». Эта таблица не может никому помочь разобраться в сложных явлениях древнеанглийского вокализма, а неопытного читателя она может только отпугнуть, внушив ему мысль, что этот вокализм представляет собой безнадежно запутанную систему, в которой нельзя обнаружить никаких закономерностей. Книга, несомненно, очень выиграла бы, если бы эта таблица была изъята.

*

Значительно больше замечаний, как принципиального, так и частного характера, вызывает книга В. Д. Аракина.

Как недостаток книги следует отметить склонность автора догматически излагать дискуссионные вопросы. Вследствие этого изложение приобретает в ряде случаев элементарный характер, не соответствующий, как мне кажется, назначению книги.

Так, например, догматически изложен вопрос о системе гласных фонем в древнеанглийском языке: «Система гласных фонем состояла из 5 кратких фонем [i], [e], [u], [o], [a], 6 долгих простых фонем [ī], [ē], [ǣ], [ū], [ō], [ā] и 3 долгих дифтонгов [iō], [ēō], [ǣā]» (стр. 55). Таким образом, здесь подразумевается как нечто несомненное, что краткое [ǣ], краткие дифтонги *ea, eo* и др. были не фонемами, а позиционными вариантами фонем. Между тем этот вопрос гораздо сложнее, чем он представлен в изложении В. Д. Аракина. Естественно поэтому, что редактор книги поместил (на стр. 57) примечание, в котором говорится, что в советском языковедении существует и другое представление о системе гласных древнеанглийского периода, и приводится

таблица древнеанглийских гласных, данная А. И. Смирницким (А. И. Смирницкий говорит не о фонемах, а о звуках). Было бы, как мне кажется, правильнее, чтобы В. Д. Аракин сам привел систему А. И. Смирницкого и высказал соображения, побудившие его предпочесть систему, изложенную в его книге. В противном случае читатель остается в полном недоумении.

Такое же замечание приходится сделать по поводу сложного вопроса о том, как следует понимать взаимоотношение между редукцией неударных гласных и изменениями в морфологической системе имени. На стр. 68—69 В. Д. Аракин говорит по этому поводу: «Одним из важнейших изменений фонетического строя английского языка среднего периода было завершение процесса образования в неударных слогах нейтральных гласных, сменивших собой гласные полного образования [a], [o], [u] и [i]. Этот процесс начался еще в древний период и был, по-видимому, вызван чисто морфологическими причинами, т. е. образованием новых омонимичных падежных аффиксов, которые, вследствие сходства своей формы, постепенно утратили и свои смысловые различия». Правда, в этом случае автор сопровождает изложение своей точки зрения по этому вопросу оговоркой «по-видимому». Однако трактовка вопроса все же остается односторонней. Редактор и в данном случае поступил совершенно правильно, указав в подстрочном примечании на стр. 69, что существуют разные точки зрения на этот вопрос, и отослав читателя к статье А. И. Смирницкого «Вопросы фонологии в истории английского языка» (следовало бы указать также статью А. И. Смирницкого «Взаимоотношение между редукцией неударных гласных и развитием системы имени в германских языках»). Но и в этом случае было бы лучше, если бы В. Д. Аракин сам отметил существование других точек зрения и обосновал свою позицию в полемике с ними. Это, несомненно, способствовало бы более глубокому пониманию читателем проблем истории языка во всем их своеобразии.

В некоторых случаях можно упрекнуть автора в непоследовательности изложения. Так, противоречиво трактуется структура форм прошедшего времени слабых глаголов в древнеанглийском языке. На стр. 223 говорится: «Суффиксы прошедшего времени единственного числа *-de*, множественного числа *-don*, причастия *-d* оглушались, т. е. переходили в *-te*, *-ton*, *-t*, если они примыкали непосредственно к глухому согласной основе». (Отмечу попутно неточность формулировки: оглушались, конечно, не суффиксы как морфологические элементы и не все звуки, входившие в состав суффиксов, а только согласный *-d*.) Сходным образом говорится выше на той же странице: «...суффиксы прошедшего времени единственного числа *-de*, *-te* и множественного числа *-don*, *-ton*». Таким образом, здесь дело представлено так, что *-de* — это одна морфема — суффикс, выражающий одновременно время (прошедшее) и число (единственное); *-don* — тоже одна морфема, выражающая время (прошедшее) и число (множественное). Однако на стр. 246 эти же факты получают другое освещение: «В прошедшем времени глаголы с чередованием не имели никаких личных окончаний в 1-м и 3-м лицах единственного числа. Глаголы с суффиксацией присоединяли окончание *-e* к суффиксу прошедшего времени *-d*... Во множественном числе было одно окончание *-on*, после редукции безударного гласного перешедшее в *-en*». Здесь, таким образом, выделяются две морфемы: суффикс прошедшего времени *-d*, очевидно, общий для всех лиц и обоих чисел, и окончания 1-го и 3-го лица единственного числа *-e* (соответственно — окончание множественного числа *-on*). Само собой разумеется, что правильна эта вторая трактовка строения форм прошедшего времени слабых глаголов. Следовало поэтому и на стр. 223 излагать такое же понимание строения этих форм.

Говоря о «сдвиге гласных» в новоанглийском периоде на стр. 80, В. Д. Аракин замечает: «Фонетические изменения происходили медленно и почти незаметно для современников, так как каждое изменение длилось свыше 100 лет, т. е. оказывалось за пределами памяти даже двух поколений. Изменение системы долгих гласных было вызвано сужением их артикуляции». Это замечание имеет целью опровергнуть трактовку изменений долгих гласных как «сдвига». По поводу термина «сдвиг гласных» можно, конечно, спорить. Но пояснение, которое дает в связи с этим автор, мало помогает делу. В самом деле, говоря, что изменение системы долгих гласных было в *y* з *a* и *o* сужением их артикуляции, он, очевидно, представляет сужение как *п р и ч и н у* изменения системы. Но с большим основанием можно было бы сказать, что изменение системы гласных *з а к л ю ч а л о с ь* в сужении артикуляции. А чем было вызвано сужение, т. е., иначе говоря, какова была причина изменения системы — это остается неясным не только в книге В. Д. Аракина, но и вообще в науке. Изображая сужение артикуляции как причину изменения системы, В. Д. Аракин создает только видимость причинного объяснения явлений. Правильнее было бы констатировать, что до настоящего времени не найдено удовлетворительного объяснения этих явлений.

Некоторые формулировки в книге страдают неясностью и не способствуют тому, чтобы у читателя создалось отчетливое представление о сущности данного явления. Так, на стр. 166, характеризуя морфологическую систему существительных в современном английском языке, В. Д. Аракин говорит: «...в системе существительных современного английского языка находятся две категории имен: 1) существительные, имеющие омонимичные падежные формы, 2) существительные,

имеющие двухпадежную систему склонения. К первой категории относится подавляющее большинство существительных, обозначающих различные предметы и явления. Ко второй категории относятся немногие существительные, обозначающие человека, живые существа, такие предметы или явления, которые могут восприниматься, хотя бы метафорически, как активные, например *time*, а также сохранившие от древности вторую падежную форму в словосочетаниях (например, названия различных мер в оборотах типа *a day's work*, *three miles' distance*). Эта классификация непонятна. Если в одну категорию входят существительные, имеющие двухпадежную систему склонения, то, очевидно, следует ожидать, что в другую категорию войдут существительные, имеющие либо более чем два падежа, либо не имеющие вовсе категории падежа. Однако, по терминологии автора, сюда относятся существительные с омонимичными падежными формами. Поскольку нет оснований полагать, что В. Д. Аракин усматривает у этих существительных более двух падежей, приходится прийти к выводу, что они тоже имеют двухпадежную систему, но отличаются лишь омонимичностью форм обоих падежей. Таким образом, наличие двухпадежной системы, существующей у каждой категории существительных, не может служить отличительным признаком одной из двух групп. К тому же, положение о наличии омонимичных падежных форм у большинства английских существительных ничем не подтверждено и совершенно неубедительно. Поэтому приведенную классификацию следовало бы заменить другой: 1) существительные, не имеющие категории падежа, 2) существительные, имеющие двухпадежную систему склонения.

Трудно согласиться с той трактовкой форм сильных глаголов VII класса, которая изложена в книге В. Д. Аракина. Говоря о возникновении гласного \bar{e} или \bar{eo} в формах прошедшего времени этих глаголов, В. Д. Аракин замечает на стр. 206: «Глаголы, составившие в древнеанглийском VII кл а с с, имели когда-то удвоение (редупликацию) основы в формах прошедшего времени, а также чередование корневых гласных. В древнеанглийском следы редупликации почти исчезли. Когда-то удвоенные слоги слились в один корневой слог с долгим гласным [e] или с долгим дифтонгом [eo]». Правда, выражение «удвоенные слоги слились в один корневой слог» не совсем ясно, но естественно понять его в том смысле, что здесь произошел фонетический процесс слияния двух слогов в один. Однако такое толкование приводит, как известно, к серьезным затруднениям, так как заставляет предположить выпадение начального согласного корневого слога, не имеющее аналогии в других случаях. Гораздо убедительнее изложен этот вопрос у А. И. Смирницкого (в примечании на стр. 131): «Исчезновение согласных в формах типа др.-англ. *hēt*, *lēt* не является закономерным фонетическим выпадением, так как те же согласные ([χ], l, r) в таких же условиях нормально сохраняются. Таким образом, эти словоформы возникли не в результате фонетического развития более старых словоформ, но в результате их грамматической перестройки».

Непоследовательность изложения приходится отметить в вопросе о применении фонологии к истории языка. На стр. 55 и сл., характеризуя звуковую систему древнеанглийского языка, В. Д. Аракин все время говорит о фонемах. С фонологической точки зрения изложен и такой характерный фонетический процесс древнеанглийского периода, как преломление гласных. О фонемах идет речь и при изложении фонетических изменений среднеанглийского периода (возникновение шипящих фонем — стр. 65, появление новых гласных фонем — стр. 67, и т. д.). Однако при характеристике фонетических изменений нового периода изложение становится в этом отношении менее отчетливым. Говоря о «сдвиге гласных» на стр. 80, В. Д. Аракин дает этому разделу заголовок «Изменения в системе долгих гласных фонем», но в самом изложении вопрос о фонологическом смысле этого процесса не затрагивается. Самый термин «изменения в системе долгих гласных фонем» представляется неясным. Надо ли понимать дело так, что в процессе «сдвига гласных» одни долгие гласные фонемы исчезают, а взамен их появляются другие, или же так, что фонемы не исчезают и не появляются, а изменяются, не переставая быть теми же фонемами? Например, когда долгое \bar{i} развивается в *ai*, то можно ли сказать, что это изменение происходит, так сказать, внутри фонемы, так что та самая фонема, которая до определенного времени была \bar{i} , теперь стала *ai*? Этот вопрос представляется очень трудным, как и вообще вопросы «диахронической фонологии». Нельзя было ожидать, что он будет полностью разрешен в книге. Однако указать на сущность проблемы и наметить хотя бы пути ее разрешения, несомненно, следовало. Иначе заголовок «Изменение в системе долгих гласных фонем» оказывается не соответствующим содержанию изложения.

В книге В. Д. Аракина есть также и целый ряд более мелких, но досадных недочетов, требующих исправления.

Так, на стр. 11 В. Д. Аракин утверждает, что «до нас не дошли книги Плиния, в которых дается классификация германских племен, но Тацит приводит ее в своей обобщающей работе „Германия“». Это утверждение ни на чем не основано. До нас дошла книга IV «Естественной истории» Плиния, в которой дана классификация германских племен. Тацит же этой классификации не приводит. К тому же книгу Тацита едва ли можно назвать «обобщающей работой».

На стр. 18 говорится: «Суссекс к юго-востоку от Кента». В действительности Суссекс расположен к юго-западу от Кента.

На стр. 34 указывается, что в среднеанглийском периоде «образовался новый ряд местоимений — притяжательные». Это неверно. Притяжательные местоимения существовали в английском языке с древнейших времен.

На стр. 168 ошибочно сказано, что существительное *moon* «луна» в древнеанглийском периоде было женского рода. В действительности существительное *mōna* было мужского рода.

На стр. 205 в таблице форм глаголов V класса неправильно указана форма единственного числа прошедшего времени глагола *etan* «есть»: дано *æt* (с кратким гласным), тогда как этот глагол образует (по аналогии с формой множественного числа) форму единственного числа *æt* (с долгим гласным).

На стр. 210—211 в таблицах форм глаголов III класса в среднеанглийском языке неправильно приведены формы множественного числа прошедшего времени. Эти формы имели гласный *o*: *holpen*, *mōlten*, *swollen*, *corven*, *borken*, *storven*, а не *u*, как указано в таблице. (Кроме того, форма инфинитива глагола «пухнуть» имела вид *swellen*, а не *swellan*.) На стр. 214 правильно указано, что у глаголов III класса совпали формы множественного числа прошедшего времени и причастия прошедшего времени; однако в таблице приведены формы, не соответствующие этому положению.

На стр. 221 в таблице, иллюстрирующей соотношение древнеанглийских и новоанглийских форм сильных глаголов, приведены неправильные формы глаголов *hlēaran* «бежать» и *weāran* «плакать» в древнем периоде. Должно быть *hlēor* и *weōr*, а не *hlēar* и *wōr*.

Ошибки, неточности и опечатки, подобные указанным, имеются также и в других местах книги (см., например, стр. 29, 31, 39, 61, 94, 124, 135, 137, 175, 182, 186, 250, 255, 265, 267, 291, 299). Их нужно устранить при подготовке к печати второго издания.

В целом же, как было выше отмечено, появление работ А. И. Смирницкого и В. Д. Аракина следует приветствовать как значительное обогащение нашей научной литературы по истории английского языка. Будем надеяться, что выход в свет книг станет стимулом для дальнейшего расширения круга авторов в этой области.

Б. А. Ильин

А. А. Холодович. Очерк грамматики корейского языка. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1954. 320 стр.

Грамматика корейского языка до настоящего времени остается еще сравнительно мало изученной, несмотря на то, что корейское языковедение располагает рядом обстоятельных и ценных трудов в этой области¹. Значительный вклад в корейское языковедение внесли русские и советские корееведы. Широко известны работы по корейскому языку Г. В. Подставина, Е. Д. Поливанова, А. А. Холодовича, О. П. Петровой и других. Многие из этих работ не потеряли своего значения и по сей день. Таковы, например, статьи Е. Д. Поливанова «Гласные корейского языка»², «К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков»³ и другие. В настоящее время грамматика корейского языка является предметом исследования ряда советских языковедов. Однако до выхода в свет книги проф. А. А. Холодовича в советской учебной литературе не было курса грамматики современного корейского языка.

В своей новой книге, являющейся переработанным курсом лекций, А. А. Холодович суммирует обширные наблюдения над грамматическим строем корейского языка.

¹ Достаточно упомянуть следующие работы: Ч у С и Г ѐ н, Куго мун'поп (Грамматика родного языка), Сеул, 1910; К и м Д у Б о н, Чосон мальбон (Корейская грамматика), Сеул, 1916; е г о ж е, Кипто чосон мальбон (Корейская грамматика, доп. изд.), Шанхай, 1923; Х о н Г и М у н, Чосон мун'поп йонгу (Изучение корейской грамматики), Сеул, 1947; Чосон-о мун'поп (Грамматика корейского языка), Пхеньян, 1949; К и м С у Г ѐ н, Чосон-о мун'поп (Грамматика корейского языка), чч. 1—2, Пхеньян, 1954; Ц о й Х ѐ н Б э, Ури мальбон (Наша грамматика), Сеул, 1937; е г о ж е, Чосон мальбон (Корейская грамматика), Сеул, 1948; «Grammaire Coréenne», Yokohama, 1884; J. G a l e, Korean grammatical forms, Seoul, 1894; H. G. U n d e r w o o d, An introduction to the Korean spoken language, 2-d ed., New York, 1914; A. E s k a r d t, Koreanische Konversations-Gramatik, Heidelberg, 1923; G. J. R a m s t e d t, A Korean grammar, Helsinki, 1939; H. F. J. J u n k e r, Koreanische Studien, Berlin, 1955.

² «Восточный сборник», кн. II, Пг., 1916.

³ ИАН СССР, Серия VI, 1927, № 15.